

РЕДЖИНАЛЬД ХОРСМАН

ВТОРАЯ ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

США

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРОТИВ
БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ
СРАЖЕНИЯ НА СУШЕ И НА МОРЕ

Реджинальд Хорсман

**Вторая война за независимость
США. Соединенные Штаты
против Британской империи:
сражения на суше и на море**

«Центрполиграф»

УДК 94(73).052
ББК 63.3(7)

Хорсман Р.

Вторая война за независимость США. Соединенные Штаты против Британской империи: сражения на суше и на море / Р. Хорсман — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5833-8

Настоящее издание посвящено вооруженному конфликту в Северной Америке 1812—1815 гг., получившему название Вторая война за независимость. В книге исследуются причины напряженности отношений между этими двумя странами в эпоху Наполеоновских войн, в которой Британия выступила на стороне индейских племен, боровшихся против колониального поселения на северо-западе континента, рассказывается о столкновениях как на суше, так и на море, о том, как регулярные войска и колониальная милиция давили нападения американцев на Северную Канаду, описываются и сожжение Вашингтона, и война на Юге, и блокада морской торговли США... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(73).052
ББК 63.3(7)

ISBN 978-5-9524-5833-8

© Хорсман Р.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Реджинальд Хорсман
Вторая война за независимость США.
Соединенные Штаты против Британской
империи: сражения на суше и на море

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

Глава 1

Причины войны

Период после окончания американской революции в 1783 году и до начала войны в 1812 году характеризовался кризисом международных отношений как в Соединенных Штатах, так и в Великобритании. Для молодых Соединенных Штатов первоочередная задача состояла в том, чтобы выжить и создать такую форму правления, которая смогла бы удержать вместе 13 непохожих друг на друга штатов. Через десять лет проблема осложнилась войнами, последовавшими за французской революцией, в которые Соединенные Штаты, изначально коммерчески нейтральные, неизбежно оказались втянуты. К 1803 году эти же войны стали угрожать вторжением и завоеванием Британии, и вся ее внешняя политика была полностью подчинена задаче победы над Францией.

В то время отношения между Британией и Соединенными Штатами складывались весьма непросто. Впрочем, после успешной антиколониальной революции едва ли можно было ожидать иного. В Британии многим казалось невероятным, что разрозненные дезорганизованные колонии по ту сторону Атлантики смогли завоевать независимость. Они надеялись и ждали, что «власть толпы», возобладавшая в этой новоявленной независимой стране, быстро приведет к краху. Таким людям, которые, как Чарльз Джеймс Фокс, видели в этом заморском эксперименте надежду на свободу, противостояло подавляющее большинство сквайров тори, видевших в нем только анархию и хаос, охвативший главную колонию Британской империи.

В послереволюционной Америке в отношении британцев господствовали неприязнь и недоверие. Многие жители Соединенных Штатов видели в Британии страну, задавленную гнетом тиранической монархии и порочной аристократии. Они намеревались показать упавшим европейским державам, как может жить страна в условиях свободы и безопасности. Несмотря на то что образованные американцы по-прежнему читали британские книги, лелеяли свое британское наследие и торговали с Британией, они видели себя продолжателями традиции свободы, которую Британия утратила. Многие в Британии восхищались ими, но они возражали против того, как управлялась эта страна. Только в Новой Англии существовала группа, готовая принять ее сторону, и революция не разорвала коммерческих связей этого региона с метрополией.

Усилению взаимного недоверия способствовали и практические аспекты постреволюционных англо-американских отношений. Одной из существенных причин будущих сложностей являлось быстрое развитие коммерческого соперничества между двумя странами. Несмотря на все жалобы американцев, до 1775 года их судоходная индустрия в рамках Британской империи заметно выросла. Благодаря британскому навигационному законодательству и традициям мореплавания метрополии к 1780-м годам американцы плавали по всему миру. Их корабли были быстрыми и маневренными, а команды хорошо подготовленными.

В последние годы революции меньшинство под началом Питта и Шелбурна утверждало, что в интересах Британии установить свободные и открытые коммерческие отношения с Соединенными Штатами. Некоторые надеялись, что такие коммерческие связи, уже в значительной степени сформировавшиеся до революции, помогут укрепить политический альянс. Однако вопреки усилиям Питта и Шелбурна в стране возобладала логика тех, кто утверждал, что Америка объявила о своей независимости и должна быть выведена за пределы британской коммерческой системы. Аргументы противников Соединенных Штатов были подкреплены их убежденностью, что отказ от соблюдения навигационных законов не только приведет к потерям в торговле, но и ослабит британский торговый флот. Это, в свою очередь, подорвет силы регулярного военно-морского флота и вызовет общенациональный упадок.

Сначала судоходство Соединенных Штатов пострадало от того, что лишилось привычных торговых каналов, однако оно быстро нашло другие пути доступа на рынки, закрытые британцами, и превратилось в одного из главных конкурентов британского судоходства. Это соперничество стало заметно задолго до 1793 года, но с того времени оно сделалось более острым из-за начавшейся войны в Европе. Положение Америки как основного нейтрального коммерческого игрока давало ей новые обширные торговые возможности, что сильно ударило по интересам британской торговли.

Другим важным источником трений в послереволюционные годы было продолжающееся британское правление в Канаде. Неопределенность в деталях пограничного урегулирования 1783 года порождала сложности на протяжении следующих 60 лет. Но более серьезным источником споров стало соперничество за обладание областями на Старом Северо-Западе Америки и убежденность британских властей в Канаде, что следует аннулировать некоторые уступки, сделанные в этом отношении в 1783 году.

После революции американские поселенцы стали перебираться через Аппалачи на запад, в долину Огайо. Между 1783 и 1812 годами население Кентукки выросло с 12 тысяч до 400 тысяч с лишним. В 1783 году во всей плодородной области за рекой Огайо, охватывающей современные штаты Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин, проживала лишь горстка поселенцев. В то время эти штаты были владениями многочисленных индейских племен. Когда революция завершилась, британцы согласились, чтобы вся эта область стала американской и чтобы британские войска отошли от линии сторожевых постов, располагавшейся вдоль южной оконечности Великих озер. Однако, несмотря на это соглашение, реальный отвод войск затянулся более чем на десять лет. Сначала это было сделано, чтобы сохранить контроль над индейцами и торговлю мехом, и к 1790-м годам многие канадские чиновники надеялись, что сохранение оккупации даст возможность изменить границу. В начале 1790-х агенты департамента Британской Индии в Канаде стали подталкивать индейские племена к тому, чтобы они сопротивлялись продвижению американских поселенцев, что, впрочем, оказалось совершенно бесполезным. К 1810 году население Огайо составляло более 230 тысяч человек, и поселенцы тысячами проникали в Индиану и Иллинойс. Американцев возмущало, что британцы сохранили свои сторожевые посты на Северо-Западе и после 1783 года, а поддержка, которую они оказывали индейцам, вызывала ненависть. До сих пор живы воспоминания об англо-индейских рейдах в долине Вайоминга и в Кентукки, сопровождавшихся резней американских первопроходцев.

Несмотря на то что коммерческое соперничество и напряженность вдоль канадско-американской границы порождали враждебные действия и непонимание между двумя странами, они, по-видимому, не создавали для Соединенных Штатов реальных причин для объявления войны. Американцы не желали рисковать всем тем, что они завоевали за восемь лет революции. И хотя многие британские политики были бы рады увидеть крах Соединенных Штатов, у них не возникало желания втягиваться в очередную долгую бесславную войну в попытке добиться этого счастливого события. Только французская революция и последовавшие за ней войны привели Британию и Соединенные Штаты к открытым военным действиям.

Войны, сопровождавшие французскую революцию и империю, затронули Соединенные Штаты с такой же неизбежностью, как войны 1914–1918 и 1939–1945 годов. С тех пор как в 1783 году Соединенные Штаты добились независимости, Британия только трижды была вовлечена в большие европейские конфликты, сопровождавшиеся крупномасштабными военными действиями на море. И в каждом случае Соединенные Штаты в конце концов вступали в войну. Основной проблемой была торговля. Соединенные Штаты имели обширные коммерческие связи за рубежом, и, поскольку они хотели продолжать торговать, их торговля неизбежно оказывала помощь одной из воюющих сторон.

В 1793 году торговля Соединенных Штатов оказывала огромную непосредственную помощь Франции. После начала войны между Британией и Францией британский флот стал сразу же угрожать коммерческим связям Франции с ее колониями в Вест-Индии. С целью избежать британской блокады французы распахнули двери для торговли Франции и ее колоний с нейтральными странами, и американские корабли устремились в Вест-Индию, чтобы занять место французских судов. Пытаясь заблокировать эту возможность, Британия воспользовалась Правилем 1756 года, согласно которому торговля, запрещенная в мирное время, не могла быть объявлена разрешенной во время войны, и приказала своим капитанам захватывать американские корабли, участвовавшие в торговле с Францией. Рвение, с которым осуществлялись эти захваты, вызвало тяжелый кризис в англо-американских отношениях, кризис, породивший у многих американцев желание начать войну. Они указывали не только на то, что американское судоходство было нарушено, но и на то, что американские войска и поселенцы на Старом Северо-Западе сражались с индейцами, получавшими помощь и поддержку от британцев из Канады.

В 1793–1794 годах войны удалось избежать благодаря американским политическим соображениям и тому, что британская политика морского права находилась еще в зачаточном состоянии. Движение французской революции от ее конституционной к более экстремистской фазе, атака на все аспекты существующего порядка и использование гильотины шокировали многих состоятельных жителей городов на Восточном побережье Соединенных Штатов. Особенно сильно это ощущалось в Новой Англии, где существовали прочные личные и коммерческие связи с Британией. Федералистская партия, которой предстояло править Соединенными Штатами до 1801 года, не доверяла французским «якобинцам» и говорила о них примерно то же самое, что говорили британцы об американских «демократах». Некоторые из федералистских лидеров приходили к заключению, что теперь по сравнению с эксцессами французов их старый враг Британия – это бастион здоровой конституционной свободы.

В 1794 году президент Вашингтон отправил своего верховного судью Джона Джея в Британию в качестве специального посланника, и подписание договора Джея¹ в ноябре того же года помогло восстановить добрые отношения между двумя странами. Договор подвергся критике со стороны американской оппозиции, посчитавшей его предательским, поскольку в нем ничего не говорилось о правах Америки как нейтрального государства. Однако он помог избежать войны, и Британия наконец ушла с Северо-Запада. Федералисты не хотели войны с Британией и, чтобы ее избежать, были готовы рискнуть отношениями с Францией.

После подписания договора Джея франко-американские отношения резко ухудшились. Французы вполне естественно считали, что решимость Америки иметь хорошие отношения с Британией направлена против них, и с этого момента их действия, касающиеся американского судоходства, стали гораздо более агрессивными. К 1798 году Соединенные Штаты оказались втянуты в необъявленную морскую войну с Францией. В то же время перспективы добрых отношений с Британией выглядели блестяще. В эти годы Британия проводила мягкую морскую политику, что способствовало улучшению англо-американских отношений. Кроме того, свою роль сыграло снятие напряженности на Северо-Западе. После военной победы Америки над индейцами в битве при Фоллен-Тимберс в августе 1794 года и подписания договора Джея Британия на время прекратила поддерживать индейцев на границах Соединенных Штатов. Улучшение британо-американских отношений достигло вершины в начале XIX века, когда Амьенский мир² на время приостановил войну в Европе и позволил американской коммерции беспрепятственно распространяться по всему миру.

---

¹ Американо-английский договор о дружбе, торговле и мореплавании. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Мирный договор 1802 года между Францией, Испанией и Багавской республикой, с одной стороны, и Британией – с другой.

Возобновление войны в Европе весной 1803 года привело к ухудшению британо-американских отношений, достигшему кульминации в июне 1812 года, когда Америка объявила Британии войну. И снова основная проблема касалась моря. Соединенные Штаты возражали против главенства британских морских практик, многие из которых использовались и в 1790-х, но далеко не так широко, как после возобновления войны. Причина более жесткой политики Британии заключалась, прежде всего, в том, что после 1803 года возникла острая опасность вторжения Наполеона. Казалось, что только пролив Ла-Манш и британский флот отделяют французов от завоевания Англии. В этом кризисе британцам было не до того, чтобы обращать внимание на чувствительность нейтральных стран; всему, что могло помочь Франции, следовало сопротивляться. Кроме того, с точки зрения интересов британского судоходства и тех, кто его поддерживал, нужно было отметить, что американский торговый флот получал огромную прибыль от войны в Европе и что развитие американского судоходства угрожало британскому коммерческому господству, британской военно-морской мощи и безопасности страны. Ограничения американской торговли наносили ущерб Франции и в то же время способствовали морским интересам Британии в ее коммерческом соперничестве с Соединенными Штатами.

Во время этой войны имели место споры по поводу самых разных вопросов, связанных с торговлей. Соединенным Штатам хотелось бы сохранять принцип «свободны суда – свободны грузы» и торговать по всему миру, но воюющие стороны, в особенности Британия, делали все возможное, чтобы оспорить эту точку зрения. Американцы признавали, что оружие следует рассматривать как контрабанду, но британцы хотели расширить этот список и включить туда все, что может быть полезно французам. Более того, британцы настаивали на своем праве останавливать и осматривать суда на предмет наличия нелегальных грузов, в то время как Соединенные Штаты старались сохранить правило, согласно которому проверке подлежали только судовые документы. Особое недовольство вызвали общие блокады определенных областей. Американцы доказывали, что подвергшийся блокаде регион должен снабжаться судами непосредственно у побережья, и возражали против «бумажной блокады», согласно которой британцы объявляли блокированной всю береговую линию, а затем захватывали суда, находившиеся далеко от берега, аргументируя это тем, что они снабжают область, на которую распространяется приказ о блокаде.

С решением о задержании и осмотре американских судов был связан взрывоопасный вопрос о насильственной вербовке. Из-за плохих бытовых условий на британских военных кораблях моряки частенько пользовались любой возможностью, чтобы дезертировать и остаться в американских портах. На американских торговых судах они могли получить более высокую оплату и более благоприятные условия. В случае если таких дезертиров обнаруживали на борту американских торговых судов, Британия оставляла за собой право арестовать их. По этой причине американские корабли часто останавливали, и, если британским капитанам требовались матросы, как это часто случалось, они без колебаний хватали как британских дезертиров, так и американцев. После начала войны 1812 года британцы признали военнопленными свыше 2500 американцев, служивших на британских кораблях, а заявления еще гораздо большего числа моряков о том, что они американцы, остались без внимания. Вся эта история усложнялась благодаря британской доктрине о неотчуждаемом подданстве, согласно которой каждый, кто родился подданным Британии, мог быть арестован, даже если задолго до этого эмигрировал в Соединенные Штаты. Мало какие вопросы вызывали у американцев такое возмущение, как то, что американские моряки гибли на британских кораблях во время войны с Францией или подвергались порке кнутом за отказ подчиняться приказам британских капитанов, которые захватили их силой. Начиная с 1803 года Британия в связи с опасностью вторжения прилагала все возможные усилия, чтобы увеличить численность своих моряков. Это привело к значительному росту насильственной вербовки и, как следствие, к еще большему возмущению американцев.

С 1803 по 1807 год Британия и Франция пытались победить друг друга коммерческими средствами. Британское правительство решило, что французские владения в Европе должны быть подвергнуты блокаде, а товары, поступающие к Наполеону, должны идти только через Британию, увеличивая тем самым ее благосостояние и мощь. Движение в сторону политики ограничений началось в 1805 году с принятия Эссекского решения³, согласно которому было установлено, что американцам больше не будет позволено явным образом нарушать британский запрет на торговлю Франции с ее колониями. В конце 1790-х Британия разрешила эту торговлю с помощью так называемого «прерванного вояжа», в ходе которого американские суда проходили через американские порты. Теперь сделать это стало гораздо сложнее.

В 1806-м и в начале 1807 года движение в сторону полного ограничения торговли было отложено «министерством всех талантов»⁴, которое пыталось действовать в отношении Америки локально, насколько, насколько это позволяла война с Францией. Но после прихода к власти тори в марте 1807 года на торговлю нейтральных стран были быстро наложены строгие ограничения. Сравнительная умеренность «блокады Фокса», установленной в мае 1806 года и означавшей строгую блокаду только от Остенде до Сены, и королевского Указа-в-Совете⁵ от января 1807 года, запрещавшего нейтралам организовывать торговлю между портами, находящимися в руках врага, закончилась осенью 1807-го. Указы-в-Совете, принятые в ноябре, по сути, запрещали нейтралам торговать с французской Европой за исключение торговли через британские порты на основании британской лицензии.

В то время как Британия установила систему, сажающую Францию на голодный паек и способствующую своему процветанию, Наполеон исполнился решимости разрушить благосостояние Британии и уничтожить финансовую основу противостоявшего ему альянса. Берлинский декрет от ноября 1806 года объявлял блокаду Британии и запрещал торговлю британскими товарами. Наполеон надеялся осуществить это не с помощью своего военного флота, который преимущественно ограничивался территорией порта, а с помощью закрытия континентальных портов для британских товаров. Его Миланский декрет от декабря 1807 года объявлял, что все нейтральные суда, подчиняющиеся британским торговым правилам, подлежат аресту. Теоретически это закрывало двери для американской коммерции, поскольку, если американские корабли игнорировали британские правила, они подлежали аресту со стороны британцев, а если они подчинялись этим правилам, то подлежали аресту со стороны французов. На практике торговля продолжалась при помощи специальных лицензий и массового уклонения от правил.

Какое-то время американский ответ на изменение ситуации на море после 1803 года определялся амбициями американцев в отношении испанских владений в Северной Америке. Но в более длительной перспективе он зависел от базовых убеждений президента Томаса Джефферсона и администрации, пришедшей к власти в 1801 году. Какое-то время после того, как в 1803 году Джефферсон купил у Франции огромную территорию в Луизиане, он надеялся, что с помощью дипломатического давления ему удастся убедить испанцев и французов, что испанская Западная Флорида, расположенная непосредственно к востоку от Миссисипи, тоже входит в стоимость этой покупки. Эта попытка провалилась, но до конца 1805 года из-за своих контактов с Испанией американское правительство с осторожностью реагировало на морскую политику Британии. Но когда Соединенные Штаты в полной мере ощутили влияние

---

³ Эссекское решение было вынесено Высоким адмиралтейским судом Англии 22 мая 1805 года в отношении захвата американского судна «Эссекс». В решении содержался призыв к Правилу 1756 года, согласно которому нейтральным нациям в военное время разрешалось перевозить только те товары, которые им разрешалось перевозить в мирное время. Эссекс был признан нарушившим Правило 1756 года.

⁴ «Министерство всех талантов» – правительство национального единства в Британии, сформированное Уильямом Гренвиллом 11 февраля 1806 года.

⁵ Правительственное распоряжение, одобренное монархом и не требующее рассмотрения в парламенте.

Эссекского решения, их поведение изменилось и раздражение в отношении британцев стало стремительно нарастать.

Реакцию американского правительства на политику Британии в годы, непосредственно следовавшие за 1805-м, определили идеализм Джефферсона, предшествующий опыт и военная неподготовленность. До революции американские колонисты достаточно успешно использовали против Британии экономический бойкот, поэтому Джефферсон и его государственный секретарь Джеймс Мэдисон считали, что с помощью экономических мер Соединенные Штаты смогут изменить политику европейских держав. Джефферсон хотел показать Европе, что война не единственный способ разрешения конфликтов между странами. Но все же помимо и прежде любых идеалистических соображений причиной финансовой политики, проводимой демократо-республиканцами после их прихода к власти в 1801 году, была настоятельная необходимость найти какой-нибудь отличный от войны способ противостоять давлению европейских держав. Джефферсон, который твердо верил в первостепенное значение экономики в управлении и главенство гражданского аспекта над военным, предпринимал решительные шаги для снижения военных расходов. В этом стремлении его с большим энтузиазмом поддерживал министр финансов Альберт Галлатин.

В результате такой политики экономии к тому времени, когда Соединенные Штаты вступили в период острого кризиса в международных отношениях, американская регулярная армия насчитывала меньше 3500 человек. Но еще более странно, что в эту эпоху проблем на море администрация Джефферсона начиная с 1801 года усиленно трудилась над сокращением американского военно-морского флота. Война с Триполи несколько пошатнула их линию поведения, но строительство 74-х⁶, начатое при президенте Адамсе, было отменено, и военно-морской флот страдал от нехватки денег. Джефферсон сделал ставку на канонерские лодки, которые могли действовать только в прибрежных водах и были предназначены исключительно для обороны. Такая атака на военно-морской флот возникла не только из страсти к экономии, но и из боязни республиканцев, что рост флота приведет к сосредоточению слишком большой власти в руках коммерческого класса и потому представляет опасность для свободы нации. Даже несмотря на удары, которые наносил им европейский конфликт, Соединенные Штаты не готовились к войне.

В качестве альтернативы войне Соединенные Штаты попытались изменить политику европейских противоборствующих сторон экономическими методами. Первым неуверенным шагом в этом направлении стал принятый в апреле 1806 года закон о запрете импорта, который запрещал ввоз определенного вида товаров из Британии. Учитывая, что экспорт в Соединенные Штаты составлял значительную часть всего британского экспорта, была надежда, что применение такого закона вызовет давление на правительство Британии со стороны промышленников. На волне оптимизма, возникшей после смерти Питта в январе 1806 года и успехов Наполеона на континенте, Соединенные Штаты решили приостановить действие закона о запрете импорта в надежде, что это можно будет использовать, чтобы склонить Британию к подписанию общего соглашения. Назначенные специальными посланниками Вильям Пинки и Джеймс Монро должны были обеспечить подписание договора, согласно которому британцы прекратят насильственную вербовку, отменят Эссекское решение и возобновят коммерческую практику, соответствующую договору Джея.

Несмотря на то что в декабре 1806 года Пинки и Монро удалось добиться подписания договора, подразумевавшего некоторые уступки со стороны недолго продержавшегося у власти правительства вигов, Адмиралтейство наотрез отказалось менять положение о насильственной вербовке. Кроме того, при закрытии переговоров американским представителям была вручена нота, в которой говорилось, что от американцев ждут сопротивления действию недавно объяв-

---

⁶ Имеются в виду 74-пушечные линейные корабли.

ленного Берлинского декрета. Джефферсон не стал бы выносить такой неудовлетворительный договор в сенат на ратификацию, и в марте 1807 года после того, как отправилось в отставку злополучное «министерство всех талантов», всякая надежда на дальнейшие уступки исчезла. Первая попытка Америки изменить британскую морскую политику с помощью экономических мер закончилась провалом. Этому провалу суждено было продлиться.

Быстрое ухудшение ситуации в 1807 году сделало экономический ответ, который обещал дать закон о запрете импорта, совершенно неадекватным. Если экономическое принуждение должно было стать альтернативой войне, то ему следовало быть чем-то большим, чем запрет на ввоз британских товаров из какого-то списка. Первый после 1798 года всплеск военной лихорадки в Соединенных Штатах возник в июне после «чесапикского инцидента». Ранней весной несколько британских моряков дезертировали с кораблей, находившихся в Чесапикском заливе, и некоторые из них перешли на американский фрегат «Чесапик». 22 июня, когда американский корабль вышел в море, к нему подошел британский фрегат «Леопард», действовавший согласно приказам командующего Североамериканской станцией⁷ вице-адмирала Джорджа С. Барклая. «Леопард» потребовал, чтобы все дезертиры были выданы, и, получив отказ, сначала выстрелил поперек носа американского корабля, а затем по нему, убив трех человек. Американский корабль спустил флаг, и британцы забрали четверых предполагаемых дезертиров. В Америке известие об этом нападении было встречено требованиями начать войну против Британии. Британские власти в Канаде были уверены, что начнется вторжение, и сразу же обратились за помощью к индейским племенам, обитавшим на границе с Соединенными Штатами. После 1795 года про индейцев забыли, но теперь британские посланцы снова отправились к югу от форта Малден на границу возле Детройта, и индейцы прибыли к своим британским друзьям, чтобы получить от них инструкции и боеприпасы. Их предупредили, чтобы они были готовы драться, если американцы объявят войну.

Война так и не началась, но не из-за недостатка поддержки со стороны общества, а потому, что президент Джефферсон постановил продолжать избегать войны и действовать экономическими методами. Летом 1807 года он остудил общественное возбуждение, заявив, что ждет от Британии объяснений, а собравшийся осенью конгресс стал искать способ нанести более серьезный экономический ответный удар. Наконец, 14 декабря закон о запрете импорта в отношении Британии был ужесточен, а плохие новости, пришедшие из Европы в последовавшие за этим дни, убедили конгресс в необходимости принятия радикальных мер. В середине декабря пришло сообщение, что Британия в очередной раз подтвердила свою приверженность насильственной вербовке и что Наполеон резко ужесточает свой прошлогодний Берлинский декрет против американского судоходства. Кроме того, ходили слухи, что Британия собирается установить намного более жесткую блокаду. Не дожидаясь ноябрьских Указов-в-Совете, Джефферсон 17 декабря предложил ввести тотальное эмбарго в отношении кораблей, выходящих из американских портов. Предложение было одобрено конгрессом. Теперь Соединенные Штаты прилагали максимальные усилия, чтобы изменить политику враждующих европейских сторон с помощью экономических средств.

Соединенные Штаты надеялись, что британские промышленники, потерявшие свои американские рынки и источники сырья, заставят правительство Британии изменить политику. Однако в одном важном аспекте эти расчеты оказались неверны, поскольку благодаря военным действиям французов в Португалии и Испании в 1807 и 1808 годах для британской торговли оказались открыты Бразилия и испанские колонии в Южной Америке. В 1808 году британский экспорт в Южную Америку практически компенсировал все потери британцев в Соединенных Штатах. Но более существенным по-прежнему оставалось отсутствие у Джефферсона пони-

---

⁷ Самостоятельное заморское командование в составе Королевского флота в североамериканских водах, существовавшее с 1745 по 1950 год.

мания политики британского правительства в отношении Соединенных Штатов. И министр иностранных дел Каннинг, и военный министр Каслри считали, что эмбарго во многом содействовало британской политике. Теперь Франция не получала помощи от американского судоходства, а у британского судоходства не было причин опасаться американской конкуренции. Тем коммерческим и промышленным кругам, которые получали выгоду от американской торговли, было довольно трудно оправдать свою позицию в пользу дружбы с Соединенными Штатами, в то время как противники Америки могли записать в число своих заслуг и патриотизм, и безопасность Британии.

Если Соединенные Штаты надеялись с помощью экономического давления добиться смягчения британских ограничений на свою торговлю, то британское правительство фактически было готово вступить в войну против Соединенных Штатов, если поддержание мира будет возможно только ценой принятия американской концепции прав нейтралов. Британия не боялась Соединенных Штатов, страны, не имевшей практически ни армии, ни военно-морского флота. Основной урон, который Соединенные Штаты могли нанести Британии, был коммерческим, и британские коммерческие правила были разработаны так, чтобы устранить эту опасность. С военной точки зрения Соединенные Штаты не представляли собой ровным счетом ничего. С 1807 года Британию устраивало положение дел в Соединенных Штатах, и она хотела по возможности избежать любого открытого конфликта. Тем не менее она всегда прекрасно понимала, что война предпочтительней уступок американским требованиям.

Для Соединенных Штатов результаты эмбарго оказались катастрофическими. Деловые круги Новой Англии были возмущены тем, что президент из Вирджинии заставлял их бросить свои корабли гнить на верфях, и там наблюдалось возрождение интереса к федералистской партии. Федералистские поставщики были готовы взять на себя риск торговли с Европой и не видели причин, почему их собственное правительство должно им мешать. Федералисты оправдывали британские ограничения и яростно возражали против политики Джефферсона. Даже те, кто поддерживал Джефферсона, сильно страдали от эмбарго. Фермеры и владельцы плантаций из южноатлантических штатов и трансапалачского Запада лишились зарубежных рынков сбыта своей продукции. Они поддерживали джефферсоновскую альтернативу войне, но, когда экономическое принуждение провалилось, они потребовали более эффективных действий.

Провал эмбарго стал сокрушительным ударом для демократо-республиканской партии. Поскольку федералисты заметно активизировались в своем несогласии с политикой Джефферсона, экономика и финансы Соединенных Штатов сильно ослабели, и их способность вести войну снизилась. В течение двух лет после провала эмбарго в стране царил странная атмосфера чего-то нереального. Соединенные Штаты воспользовались своим самым сильным оружием – экономическим оружием и потерпели неудачу, но поскольку логика требовала объявления войны как против Британии, так и против Франции, то объявление любой из этих войн выглядело совершенно нереалистичным. Теперь Соединенные Штаты настаивали на смягчении политики экономического принуждения, которая казалась бессмысленной даже тем, кто за нее голосовал. Британию, напротив, вполне устраивала эта ситуация. Ее Указы-в-Совете установили желаемую систему для американской торговли, и их изменения в последующие годы были направлены в основном на то, чтобы привести британские правила в соответствие с изменившейся ситуацией в Европе, не делая никаких уступок Соединенным Штатам. Посланникам, отправленным в Америку в 1808 и 1809 годах: Джорджу Генри Роузу, Дэвиду Эрскину и Френсису Джеймсу Джексону – были даны инструкции, не допускавшие никаких уступок. Когда весной 1809 года Эрскин допустил ошибку и, выйдя за пределы этих инструкций, согласился на отмену Указов-в-Совете в обмен на снятие Соединенными Штатами всех мер экономического принуждения в отношении Британии, его быстро заменили на Каннинга. Такое крушение американских надежд еще сильнее ухудшило отношения между двумя странами. Джефферсон подписал указ об отмене эмбарго 1 марта 1809 года, незадолго до того, как покинул свой пост.

Эмбарго было заменено законом о запрещении захода французских и британских судов в американские порты, который открывал для американцев возможность торговать со всеми странами, кроме Франции, Британии и их владений. Это означало, что не напрямую Соединенные Штаты могли торговать с обеими воюющими сторонами. Неудивительно, что после провала эмбарго эта мера никак не повлияла на политику европейских держав. В отчаянной попытке найти ей замену 1 мая 1810 года 11-й конгресс принял билль Мейкона № 2. Этот закон отменял торговые ограничения в отношении воюющих сторон и даже предлагал им своего рода взятку. Если Британия или Франция отменит свои ограничения на американскую торговлю, а вторая сторона этого не сделает, то Соединенные Штаты снова введут против этой страны указ о запрете импорта. Этим законом Соединенные Штаты предлагали дружественный нейтралитет любой из этих европейских держав и оставляли на их усмотрение решение о том, какой из воюющих сторон они будут (если будут) помогать. Наполеон, который сильно выигрывал от торговли с нейтральной Америкой, действовал быстро.

В августе 1810 года американскому послу во Франции Джону Армстронгу сообщили, что с 1 ноября Франция аннулирует Берлинский и Миланский декреты, если Британия отменит свои Указы-в-Совете или в Соединенных Штатах вступит в силу билль Мейкона № 2. В действительности французы еще долгое время после этого продолжали чинить препоны американской торговле, но это французское заявление, как минимум, покончило с одной из американских дилемм, и теперь они могли направить свою враждебность против своего традиционного врага – Британии. Несмотря на то что война по-прежнему казалась чем-то нереальным, декларация против самой передовой державы мира уже не казалась невероятной. 2 ноября Мэдисон объявил, что в отношении Британии будет снова действовать закон о запрете импорта, если она в течение трех месяцев не отменит свои Указы-в-Совете. Британия, посчитав, что Франция в действительности не аннулировала свои декреты, отказалась пересматривать политику, предписанную королевскими Указами-в-Совете. Даже если бы Франция аннулировала свои декреты, поведение Британии осталось бы прежним: американской нейтральной торговле нельзя было позволить помогать Франции в войне.

После принятия билля Мейкона № 2 среди американцев начался устойчивый рост числа тех, кто считал, что только война защитит американские интересы и национальную честь Соединенных Штатов. В начале февраля 1810 года молодой Генри Клей из Кентукки заявил сенату, что, когда мирные средства не действуют, он предпочитает «сопротивляться мечом». Его позиция получила растущую поддержку в особенности на Западе и на Юге. 11-й конгресс впал в уныние из-за своих многочисленных провалов, однако на 12-м конгрессе, избранном в 1810 году и приступившем к своим обязанностям в ноябре 1811-го, сформировалось крепкое ядро энтузиастов, готовых рискнуть и начать войну.

После успешной борьбы и революции против британцев американцы по-прежнему годами страдали от строгих морских ограничений, введенных Британией. Урон, который несла американская торговля, и страдания американских моряков вызывали возмущение в широких слоях американского населения. Кроме того, начиная с 1808 года недовольство американцев усугублялось из-за экономической депрессии, поразившей сельскохозяйственные районы страны. Владельцы хлопковых и табачных плантаций в южно-атлантических штатах и фермеры из долины Миссисипи обнаружили, что цены, которые они могут получить за свою продукцию, упали, в то время как импортные товары продолжают дорожать. Значительная часть трудностей, особенно на Западе, была вызвана маркетинговыми проблемами, но фермеры без колебаний возложили всю вину за свое бедственное положение на британские коммерческие ограничения.

Помимо этого возмущение американцев в те годы усиливала возобновившаяся активность британцев среди индейцев Старого Северо-Запада. После инцидента с «Чесапиком» британские власти в Канаде стали бояться, что американский гнев в отношении британских тор-

говых ограничений приведет к войне и вторжению в Канаду. Чтобы укрепить свою защиту, они пытались заручиться поддержкой индейских племен. Все эти годы их агенты в британской Индии оказывали помощь советами и поставками тем индейцам, которые обитали с американской стороны границы. У индейцев было много причин прислушиваться к британцам, поскольку их земли на Старом Северо-Западе испытывали постоянное давление со стороны американских поселенцев. Начиная с 1805 года вождь племени шауни Текумсе со своим братом Пророком пытались создать индейскую конфедерацию, чтобы противостоять американской экспансии, и с 1807 года британцы оказывали им помощь. Жители Запада утверждали, что если для преодоления постоянного ущемления прав Соединенных Штатов как нейтральной страны потребуется война, то ее можно будет использовать, чтобы уничтожить британско-индейский альянс. Точно так же некоторые представители Юго-Запада считали, что, если начнется война, Соединенные Штаты могли бы использовать эту возможность, чтобы усилить давление во Флориде – владении британского союзника, Испании.

Однако важнейшим вопросом оставалось море, и потому если Британия признает права американских судов и моряков, то никакой войны не будет. Если нет, то все больше признаков указывали на то, что Соединенные Штаты захотят драться. В 1810–1811 годах американский министр военно-морского флота Пол Гамильтон абсолютно ясно давал понять американским командирам кораблей, что не должно быть места унижительному подчинению британским претензиям. Возмущение тем, что британские корабли курсируют вдоль американского побережья, приближалось к точке кипения. В мае 1811 года после ряда инцидентов, включая захват американских моряков всего в 18 милях от Нью-Йорка, фрегат «Президент» получил приказ выйти в море для защиты американского судоходства. Американский военно-морской флот уже хранил горькое воспоминание о «Чесапике», поэтому неудивительно, что 16 мая «Президент» открыл огонь по британскому шлюпу «Литтл Белт». Большинство американцев приветствовали этот знак пробуждения Америки. Несмотря на то что федералисты и значительная часть Новой Англии по-прежнему выступали и против войны, и против экономических мер воздействия, многие жители страны теперь чувствовали, что любые опасности войны лучше, чем позорный мир.

Когда в ноябре 1811 года собрался конгресс, главным вопросом больше было не то, как можно добиться эффективного экономического принуждения, а то, как и когда можно будет объявить войну. Лидером движения за войну стал Генри Клей из Кентукки с 20 или 30 сторонниками из демократо-республиканской партии, большую часть которых составляли жители Запада или Юга. Настроение нового 12-го конгресса стало очевидно сразу же, поскольку Генри Клей, чей предшествующий парламентский опыт составлял всего два неполных срока в сенате, был избран спикером палаты. Это позволило ему провести в ключевые комитеты главных военных ястребов: Питер Б. Портер из Западного Нью-Йорка стал председателем комитета по международным отношениям, Дэвид Р. Вильямс из Южной Калифорнии – председателем комитета по военным вопросам, а Лэнгдон Чевес из того же штата – председателем комитета по военно-морским делам. В международных отношениях Портера поддерживали Джон С. Калхун из Южной Каролины, Феликс Гранди из Теннесси, Джозеф Деша из Кентукки и Джон А. Харпер из Нью-Гэмпшира.

В своем ежегодном послании 5 ноября 1811 года президент Джеймс Мэдисон объявил о провале попыток добиться удовлетворения жалоб мирными способами и заявил, что теперь конгресс должен взять на себя задачу «облачить Соединенные Штаты в доспехи и привести их в положение, которого требует кризис». Позднее в том же месяце конгресс был обеспокоен известиями о том, что 7 ноября у Типпеканоз произошло столкновение войск губернатора Индианы Генри Гаррисона с индейской конфедерацией. Но, несмотря на такое серьезное возобновление военных действий со стороны индейцев, когда 29 ноября комитет по международным отношениям делал доклад палате в ответ на ту часть президентского послания, которая

касалась международных отношений, его обеспокоенность была только в отношении проблем на море. В докладе утверждалось, что время мирного сопротивления закончилось и что Соединенные Штаты должны потребовать права экспортировать свою продукцию, не теряя при этом ни кораблей, ни людей. Заключение комитета состояло в рекомендации вести подготовку к войне.

Несмотря на то что ястребы хотели войны, даже они сознавали, что готовность Соединенных Штатов к ней была удручающе недостаточной. Они также понимали, что в стране нет единства по этому вопросу. Федералисты считали войну с Британией безумием, и, поскольку в Новой Англии федералисты были самой сильной партией, поддержка со стороны этой жизненно важной части нации вызывала сомнения. В ходе дебатов 1811–1812 годов ястребы попытались разжечь революционный пыл. Они указывали, что в течение 20 лет Британия препятствовала американской торговле и захватывала американских моряков. Все попытки исправить положение мирными средствами провалились, и над Соединенными Штатами нависла опасность потери независимости, за которую они боролись во время революции. Это постреволюционное поколение подчеркивало необходимость защитить свободы, завоеванные его отцами. «Чего мы не должны потерять, сохраняя мир? – спрашивал Клей 31 декабря. – Нашу торговлю, наш характер и самую большую ценность нации – честь!» Военные ястребы говорили о том, что британцы поддерживают индейцев, и о том, что Соединенные Штаты могут расширить свою территорию на всю Северную Америку. Но их самым сильным аргументом был тот простой факт, что Соединенные Штаты не смогли изменить морскую политику Британии мирными средствами и пришлось время защитить свои корабли, своих моряков и честь нации в войне.

Задержка с объявлением войны на этой сессии 1811–1812 годов была вызвана нехваткой вооружений для ведения войны и возникшими между ястребами разногласиями в том, какие силы нужны для ее ведения и как их использовать наилучшим образом. Самая странная особенность этих споров заключалась в том, что демократо-республиканцы, хотевшие войны, разделились по вопросу, стоит ли увеличивать американский военно-морской флот. С 1801 года правительство, несмотря на все трудности, возникавшие на море, сокращало военно-морской флот, полагаясь в вопросе защиты американских прибрежных вод на силы обороны гаваней и канонерские лодки. Помимо того что изначально эта политика родилась из страстного желания сэкономить и пренебрежения демократо-республиканцев морскими интересами страны, считалось, что для ведения оборонительной войны большие корабли не нужны. Когда в конце ноября 1811 года комитет конгресса по международным отношениям предложил незамедлительно начать подготовку к войне, он рекомендовал для усиления флота всего лишь вооружить торговцев и ввести в эксплуатацию неиспользуемые суда. В то время американский регулярный военно-морской флот мог рассчитывать всего на 16 кораблей, самыми большими из которых были фрегаты.

В середине января 1812 года военно-морской комитет конгресса рекомендовал выделить ассигнования на постройку 12 линейных кораблей и 24 фрегатов. Это казалось недостаточным, чтобы соперничать с британским флотом, и сразу же вызвало разногласия среди тех, кто выступал за войну. Некоторые ястребы, особенно выходцы из долины Миссисипи, считали, что Британия настолько сильна на море, что строительство дополнительных кораблей бесполезно. Они боялись слишком большого усиления коммерческих классов и утверждали, что проще будет заставить Британию признать права американцев, завоевав Канаду, чем прибегая к неэффективным морским операциям. Даже несмотря на то, что представлявший Кентукки Генри Клей, в отличие от большинства выходцев с Запада, выступал за эти меры, билль об увеличении военно-морского флота был отвергнут большинством в 62 голоса против 59.

Независимо от отношения к флоту, все соглашались, что вторжение в Канаду является наиболее важным для принуждения Британии, в связи с чем очевидной казалась необходимость немедленных действий по увеличению численности армии. Комитет по международным

отношениям рекомендовал увеличить численность регулярной армии на 10 тысяч человек и призвать 50 тысяч добровольцев. Предложение по регулярной армии подверглось критике в сенате, как слишком слабое, и после обсуждения обе палаты согласились с тем, что необходимо набрать новые регулярные силы численностью в 25 тысяч человек, а существующую армию дополнить до ее официальной численности в 10 тысяч. 11 января билль стал законом, но набор и подготовка рекрутов продвигались слишком медленно. Совершенно ясно, что, если бы война была объявлена на этой сессии, Соединенные Штаты начали бы наступление, имея слишком маленькую регулярную армию.

Рекомендация по призыву 50 тысяч добровольцев, в основном в милицию, тоже вызвала продолжительные споры.

Здесь имелась конституционная проблема: милиция, как утверждалось, могла быть законно использована только для защиты своей территории. Даже некоторые из ястребов придерживались точки зрения, что эти силы не могут быть использованы за пределами страны. Споры были ожесточенными, и, когда 6 февраля билль обрел силу закона, парламент, чтобы обойти проблему, не принял никакого решения по этому жизненно важному вопросу. Если бы Соединенные Штаты объявили войну и вторглись в Канаду, то оставалось неясным, смогли бы они использовать для этой цели свои основные силы. Президент Мэдисон отказался предпринимать какие-либо действия. В адрес конгресса он сказал следующее: «Предоставляя президенту возможность незамедлительно начать наступление в Канаде, они после двух месяцев споров сделали ставку на регулярную армию, для укомплектования которой потребуется двенадцать месяцев, а через три месяца решили, что использовать силы ополчения, по всей вероятности, нельзя». Несмотря на то что в течение нескольких месяцев, непосредственно предшествовавших началу войны, конгресс продолжал прилагать усилия по улучшению ситуации с армией, многие из его планов слишком запоздали.

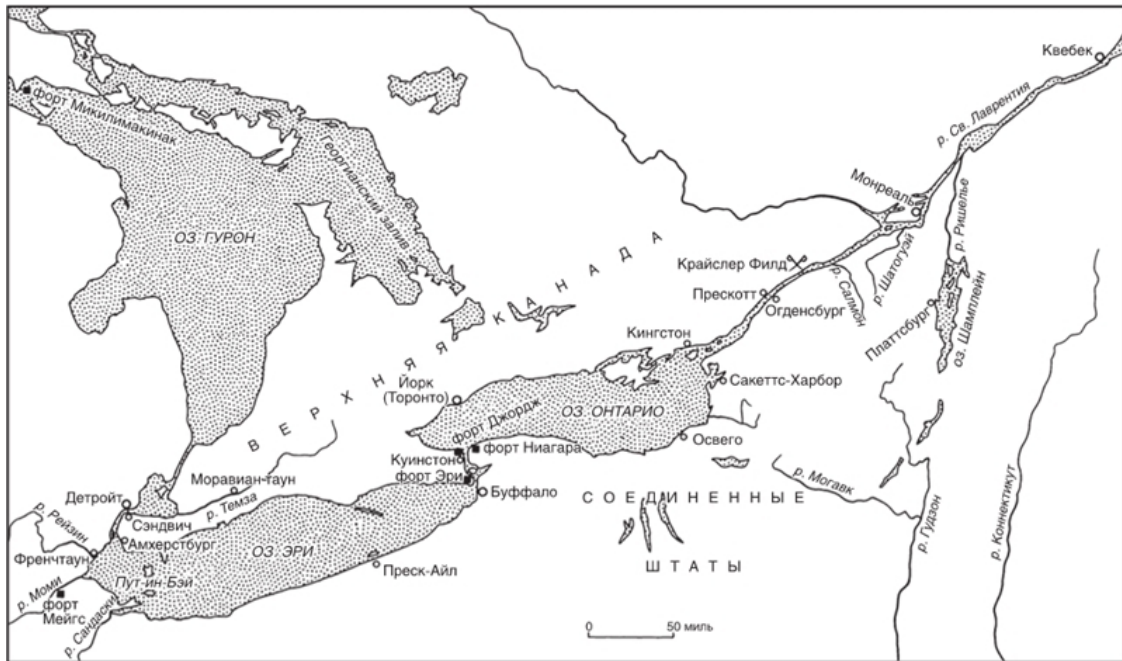
Еще одна большая трудность, которую требовалось преодолеть в ходе подготовки к войне, заключалась в традиционном отвращении республиканцев к налогам. С того момента, когда в 1801 году Джефферсон стал президентом, его партия преследовала цель сокращения правительственных расходов и ликвидации государственного долга. Альберт Галлатин, занимавший пост министра финансов и при Джефферсоне, и при Мэдисоне, изначально был убежден, что любая война должна финансироваться не за счет увеличения налогов, а за счет займов. К 1811 году Галлатин понял, что на практике такое решение просто невозможно и что внутренние налоги понадобятся, чтобы возместить потерю доходов из-за снижения таможенных платежей. Однако даже при этом предполагалось, что все дополнительные расходы будут покрываться за счет займов. Надежда на займы для финансирования войны не сулила ничего хорошего, поскольку казалось весьма вероятным, что с получением денег возникнут существенные трудности. В феврале 1811 года первому банку Соединенных Штатов не удалось пополнить свой счет, и у правительства больше не было крупного федерального агентства, где оно могло бы занять денег. Проблему усугубляло противодействие вступлению в войну со стороны финансовых кругов Новой Англии.

Несмотря на эту мрачную перспективу, некоторые из военных ястребов по-прежнему выдвигали свои традиционные возражения против повышения внутренних налогов. В середине февраля председатель комитета по путям и средствам палаты представителей Иезекииль Бэкон рекомендовал удвоить таможенные сборы, ввести прямой налог на штаты в размере 3 миллионов долларов, обложить прямыми налогами ряд товаров, таких как соль, и взять заем в размере 11 миллионов долларов. Вопреки сопротивлению оппозиции в марте эти меры были одобрены, хотя налоги предполагалось ввести только в случае, если война действительно начнется, поскольку республиканцы по-прежнему опасались получить повышение налогов без войны.

Долгие споры и разногласия среди демократо-республиканцев и продолжающееся сопротивление со стороны федералистов привели к тому, что прошло четыре месяца с тех пор, как президент и комитет по международным отношениям палаты представителей указали на необходимость принятия Соединенными Штатами военных действий для защиты своих прав. В марте 1812 года президент Мэдисон попытался ускорить мучительно медленное продвижение дел, предоставив конгрессу свидетельства, призванные показать, что в 1808 году британский агент из Канады Джон Генри вступил с федералистами из Новой Англии в тайный сговор с целью разрушения союза штатов. Доказательства были несколько сомнительными, и многие задавали вопросы по поводу 50 тысяч долларов, которые Мэдисон заплатил за эти письма, но, по крайней мере, стало совершенно очевидно, что президент хочет войны. 1 апреля он предложил конгрессу ввести 60-дневное эмбарго, которое позволило бы американским судам зайти в порты, прежде чем состоится реальное объявление войны. Масштаб разногласий в американском обществе был хорошо виден в сенате, где эту меру расширили с 60 до 90 дней, и даже после этого ее удалось провести всего 20 голосами против 13. Однако ястребы решительно настроились воевать, и некоторые из них даже широко распространялись о войне с Францией, хотя здесь здравый смысл возобладал.

Ирония этой ситуации заключалась в том, что всю зиму 1811/12 года, когда Соединенные Штаты мучительно старались подготовиться к войне, в Британии велись жаркие споры по поводу разумности политики, предписанной Указами-в-Совете. Начиная с лета 1810 года Британия стала постепенно погружаться в глубокую экономическую депрессию, и оппозиция вигов утверждала, что возобновление американской торговли способно восстановить процветание. Упадок торговли наносил особенно сильный ущерб промышленным районам, поэтому с весны 1811 года в парламент стали поступать петиции с просьбой отменить эти указы и восстановить дружественные торговые отношения с Соединенными Штатами. Когда парламент собирался в июле 1811 года, просителей не пустили, но к тому моменту, когда он снова собрался в следующем январе, депрессия углубилась, и оппозиция начала масштабную атаку на указы. Решимость отменить их усиливали опасения, что иначе Соединенные Штаты могут объявить войну и уничтожить все возможности возобновления торговли.

Лидерство в борьбе против Указов-в-Совете взял на себя молодой Генри Броэм, который ясно дал понять, что, по его мнению, в интересах Британии дружить с Соединенными Штатами. Помимо выступлений в парламенте Броэм и его союзники поощряли митинги в промышленных районах, и весной 1812 года посыпались петиции из Йоркшира, Ланкашира, Бирмингема, Поттериз и других промышленных областей. Правительство испытывало особенно сильное давление из-за волнений в промышленных районах: во многих местах луддиты уничтожали машины, которые, как они считали, способствовали обнищанию рабочих. К концу апреля оппозиция вынудила правительство создать комитет по рассмотрению петиций против Указов-в-Совете, и в мае перед этим комитетом предстали свидетели из промышленных районов. Парламент не мог игнорировать их свидетельства. В комитет было вызвано более 100 человек, и четыре пятых из них выступили против указов, утверждая, что американская торговля необходима для их благополучия. Один за другим свидетели рассказывали о безработице, бедности и отчаянии. Однако серьезную поддержку правительству оказали судоходные компании, и оно продолжило придерживаться своей политики, убежденное, что на карту поставлена победа в войне с Францией и мощь британского военно-морского флота.

Сражение на канадской границе

Как долго правительство стало бы настаивать перед лицом растущего недовольства и угрозы революции, мы уже никогда не узнаем, поскольку 11 мая психически больной податель жалобы застрелил премьер-министра Спенсера Персиваля. В Лестере и Ноттингене вести об этом убийстве были встречены всплесками бурной радости. Только в июне лорд Ливерпуль приступил к формированию нового правительства, но запросы по поводу отмены Указов-в-Совете продолжались. 16 июня в ответ на ходатайство Броэма об отмене этих Указов-в-Совете Каслри дал понять, что правительство намеревается отменить их. Это было сделано 23 июня, и на волне всеобщей радости промышленники приготовились отправлять свои товары в Соединенные Штаты.

Однако было уже слишком поздно. 1 июня Мэдисон передал декларацию об объявлении войны с Британией на рассмотрение конгресса. В своем послании он привел длинный список претензий начиная с 1803 года: насильственная вербовка американских моряков, преследование судов возле американского побережья, блокады и пособничество недавнему возобновлению военных действий индейцами. Британия отказывалась идти на какие-либо уступки на переговорах, и Мэдисон утверждал, что война является единственной альтернативой. Конгресс обсуждал причины для объявления войны с прошлого ноября, поэтому говорить оказалось практически не о чем. 4 июня декларация была принята палатой представителей, но голоса разделились весьма угрожающим образом: 79 против 49. Федералисты единогласно высказались против войны, и большая часть голосов «против» принадлежала представителям северо-восточных штатов. Западные штаты – Кентукки, Огайо и Теннесси – единогласно голосовали за войну, а южноатлантические штаты поддержали ее 37 голосами против 11. В сенате результаты были еще ближе. 17 июня декларацию приняли всего 19 голосами против 13, и Мэдисон подписал ее уже на следующий день.

Правительство Британии было удивлено, промышленники шокированы. Война казалась всем совершенно ненужной. «Если бы эту напасть спланировал сам прародитель зла, – писал «Экзаминер», – он не мог бы придумать разрыв более противный человеческой природе и в большей степени лишенный какой-либо даже самой отдаленной пользы для кого-либо за исключением императора-тирана». Торговые круги, заинтересованные в американской торговле, думали, что их потери будут катастрофическими, и в целом Британия испытывала ощу-

щение, что Соединенные Штаты совершают огромную ошибку. Канаде не придавалось большого значения, а американский военно-морской флот и все их торговые суда можно было разбить на море, после чего побережье Америки осталось бы беззащитным перед британским нападением.

Глава 2

Вторжение в Канаду

В то время как американский конгресс демонстрировал всему миру свои глубокие внутренние разногласия и военную слабость Соединенных Штатов, британские власти в Канаде готовились отразить вторжение, которое они уже давно ждали. В этих приготовлениях они не могли особенно надеяться на немедленную помощь со стороны Британии. Веллингтон вел наступление в Испании, Наполеон был готов ринуться в Россию, – все это означало, что борьба против революционной Франции вступала в последнюю фазу. Британское правительство не хотело войны с Соединенными Штатами, но не желало идти ни на какие уступки, чтобы избежать ее, пока не стало слишком поздно. Теперь, когда война в Новом Свете стояла у порога, Британия не собиралась отвлекать на нее какие-то значительные ресурсы из Европы. Таким образом, защита Канады зависела от британских властей и солдат на месте и тех ресурсов, которые были в их распоряжении. В 1812 году британское правительство в Лондоне не собиралось организовывать какую-то крупномасштабную операцию по их спасению, перебрасывая туда силы из Европы.

К 1812 году британские колонии в Северной Америке состояли из четырех материковых провинций: Нижняя Канада, Верхняя Канада, Новый Брансуик и Новая Шотландия. Генерал-губернатором этой территории был сэр Джордж Превост, прибывший в Нижнюю Канаду осенью 1811 года. Он был кадровым военным, сыном швейцарца, тоже служившего в британской армии. С 1800 года он исполнял административные обязанности в качестве губернатора в Вест-Индии и Новой Шотландии. Превост был достаточно невыразительной фигурой, но поначалу, благодаря неумелым действиям американцев, его ограниченность не бросалась в глаза. Хотя теоретически он отвечал за оборону всей Канады, на практике многие решения в Верхней Канаде и Новой Шотландии принимали лейтенант-губернаторы. Генерал-майор Исаак Брок, командовавший войсками в Верхней Канаде, был энергичным, амбициозным офицером, который с гораздо большим желанием шел на риск, чем Превост, и умел гораздо лучше воодушевлять тех, кто служил под его началом. Он стремился завоевать воинский престиж и приветствовал войну как возможность показать себя, которую он искал уже несколько лет. Сэр Джон Шербрук, лейтенант-губернатор Новой Шотландии, был еще одним кадровым военным, но безопасность приморских провинций зависела не столько от его усилий, сколько от присутствия британского военного флота.

Перед лицом сложившейся ситуации имелось достаточно причин бояться результатов американской атаки. Численность регулярных британских войск в Канаде не доходила до 6000 человек, распределенных очень тонким слоем по границе большой протяженности. Посты часто представляли собой одиночные изолированные объекты, и солдаты при каждом удобном случае дезертировали в Соединенные Штаты. Пьянство – эта постоянная проблема – стало хроническим состоянием этих убогих аванпостов, затерянных в глухом лесу. Революция показала, что дисциплина и порядок не всегда оказываются сильнее незнакомой местности, расстояний и непрофессиональных, плохо обученных рекрутов из Соединенных Штатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.